

УДК 81'42

*Н.В. Мельничук, Л.Г. Васильев***СРЕДСТВА МАНИФЕСТАЦИИ КОНСТРУКТИВНОГО И ДЕСТРУКТИВНОГО РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ПАРЛАМЕНТСКОМ АРГУМЕНТАТИВНОМ ДИСКУРСЕ**

В статье рассматривается проблема конструктивного и деструктивного речевого взаимодействия в аргументативном дискурсе, а также средства его манифестации. Дается обоснование представленного деления в рамках аргументативного дискурса и определяются рамки исследования – поле конфронтации. Описана отличительная специфика парламентской коммуникации, послужившая основанием считать парламентские дебаты разновидностью конфронтационного дискурса. Представлена методика анализа средств выражения конструктивности и деструктивности – стратегический подход. Предложено дихотомическое деление макростратегий на *конструктивные* и *деструктивные*. Наличие амбивалентных случаев, не отвечающих задачам макростратегий, представлено *полярными* и *амбивалентными* стратегиями. Выявление типа *макростратегии* позволяет определить качество дискурсивного вклада каждого оратора, а средства манифестации речевого взаимодействия определяют речевоздействующий потенциал. Выявлено, что деструктивные макростратегии преобладают по частотности над конструктивными, использование аксиологичных высказываний в условиях деструктивного речевого взаимодействия выше, чем в условиях конструктивного. В условиях деструктивного речевого взаимодействия коммуникантами задействовано значительно больше языковых и речевых средств, чем в условиях конструктивного.

Ключевые слова: конструктивность, деструктивность, речевое взаимодействие, конфронтация, аргументация, стратегия, макростратегия.

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-760-766

Вопрос конструктивности / деструктивности общения является решающим в аргументативном диалогическом дискурсе. Охват жизненных ситуаций в диалогическом общении весьма широк, и рационализация существа таких диалогов как состязательных обменов мнениями связана с потребностью освещения различных взглядов на строение и содержание речевого взаимодействия в них.

Речевое взаимодействие является, наряду с речевой ситуацией и речевым событием, одной из основных единиц речевого общения. Остановимся более подробно на данном понятии и возможности деления речевого взаимодействия на конструктивное и деструктивное в рамках аргументативного дискурса.

Речевое взаимодействие трактуется здесь как «дискуссия, дебаты, т. е. взаимообмен информацией о (зачастую несовпадающих) позициях коммуникантов» [11]. Оно может быть кооперативным и некооперативным. Однако даже кооперативность, как цель и разновидность взаимодействия, определяется в дебатах не сразу. Сначала выявляются различия в позициях, а уже потом стороны (часто каждая для себя) решают, как быть – искать согласия или стремиться переубедить соперника. В рамках данного исследования взаимодействие берется в ориентации на аргументативную составляющую общения, которая по своей сути сначала предполагает конфронтацию (согласно голландской школе прагматодиагностики, это предваряющая собственно аргументацию стадия аргументативного речевого взаимодействия).

Конфронтация может (а) предполагать, а может и (б) не предполагать поиск взаимоприемлемого решения: речь идет о коммуникативных установках общающихся – (а) на сотрудничество и (б) на конфликт; в первом случае мы имеем конструктивность, во втором – деструктивность.

Конструктивное речевое взаимодействие выражает коммуникативную установку разрешить проблему (позиции сторон по отношению к проблеме в рациональной (идеализированной) дискуссии обозначаются на стадии конфронтации) – уладить разногласия и прийти к общему решению.

Деструктивное взаимодействие предполагает столкновение, противоборство оппонентов, где каждый из участников коммуникации имеет коммуникативную установку победить (ср. понятие эристического спора в риторике), хотя и не обязательно нечестными (как в софистике) средствами.

Тем не менее, оба этих вида взаимодействия – конструктивное и деструктивное – остаются разновидностями речевого взаимодействия в целом.

Конструктивность, таким образом, определяется на основе единства социального и личностного. На межличностном уровне конструктивность в общении определяется с точки зрения наличия позитивного результата общения по продуктивному решению партнерами совместных задач, достиже-

нию индивидуальных целей созидательности отношений. На личностном уровне конструктивность задается имплицитными представлениями, позволяющими на языке структур сознания описывать ее личностно-смысловые основания.

Проблема деструктивности как результат усиления агрессивности общества требует углубленного изучения деструктивного коммуникативного поведения различных социальных групп с целью выделения стратегий и тактик, противодействующих деструктивности коммуникации. В аргументативном дискурсе деструктивное общение представлено особым типом эмоционально-окрашенного общения, основная цель которого – самовозвышение за счет унижения оппонента.

Далее обратимся к понятию *конфронтация*; оно напрямую связано с понятием *сопоставительность*, и будет трактоваться как противостояние и столкновение групповых интересов. Вслед за Н.В. Гришиной понятия *конфликт* и *конфронтация* расцениваются как абсолютные синонимы [4. С. 118]. Понятие *кооперация* мы рассматриваем вслед за А.Н. Леонтьевым как координацию единичных сил участников коммуникации – комбинирование и суммирование этих сил [7. С. 270]. Так как анализируемые дебаты, в частности, и особенности немецкого парламентаризма, в целом, находятся в рамках противостояния групп (партий и их представителей), а дебаты в стенах Бундестага не нацелены на вербовку союзников и суммирование сил внутри партий, фокус нашего исследования остается исключительно в поле конфронтации.

Конструктивная конфронтация выражает стремление уладить конфликт и прийти к общему знаменателю, а деструктивная представляет собой разрыв коммуникации. Но не все коммуникативные неудачи ведут к деструктивному конфликту. Деструктивность предполагает столкновение, противоборство оппонентов, где каждый из участников коммуникации сознательно действует в ущерб другому. Коммуникативные неудачи могут быть устранены в процессе коммуникации за счет переформулировок, уточнений, пояснений, что может привести к реализации коммуникативного намерения говорящего.

Следует отметить, что функция воздействия играет решающую роль в аргументативном дискурсе парламентских дебатах, так как главная цель дебатов – не просто проинформировать адресата, а повлиять на его мировоззрение, сформировать его отношение к чему-либо. Умение использовать многообразные речевые средства для достижения поставленных целей является залогом успеха оратора в публичной политике.

Аргументативный дискурс парламентских дебатов относится к институциональному типу и имеет следующие признаки: 1) конститутивные – включают в себя участников коммуникации, условия, организацию, способы и материал общения; 2) собственно институциональные – определяют ролевые характеристики, действия, жанры; 3) нейтральные – включают общие характеристики дискурса (ср.: [6. С. 111]).

Немецкий парламентаризм развивался непоследовательно, в отличие, например, от британского; причиной тому послужили войны и режим диктатуры, которые отразились на формировании формы ведения переговоров. А. Буркхардт выделяет две сферы развития немецкого парламентаризма: дискуссионный и демонстративный [9. С. 22].

В. Дикман характеризует аргументативный дискурс парламентских дебатов как коммуникативное событие между выступающими с трибун ораторами и аудиторией в стенах общественного института парламента. Основная цель парламентских дебатов Бундестага – обсуждение и решение политических проблем, второстепенная цель – воздействие на общественность. В. Дикман отмечает и первостепенную цель имплицитного коммуникативного воздействия – дискредитация оппонента и самопрезентация своих позиций и интересов [10. С. 41].

Еще одной отличительной характеристикой парламентских дебатов, по мнению Х. Хенне, является их интенциональность и тематика: парламентские дебаты Бундестага, в большинстве своём, директивны (включают указания, руководства к действию) и дискурсивны (отнесены к повседневному и научному дискурсу). Характерной особенностью дебатов Бундестага является их строгая фиксация тем; существует три соответствующих положения – нефиксированная тема, фиксированный круг тем, специально фиксированная тема [12. С. 27].

Открывая пленарное заседание, президент оглашает перечень тем и законопроектов, подлежащих обсуждению. Что касается временного аспекта, выступления ораторов являются панхронными, т.е. не привязаны к конкретному временному отрезку и могут затрагивать как события настоящего и прошлого, так и касаться будущих перспектив. С временным аспектом, а именно с его вневременной характеристикой, тесно связана логика изложения содержания выступлений. Особенность текста

парламентских дебатов Бундестага – наличие легко идентифицируемых континуальных абстрактно-логических связей, которые определяют содержание реплик парламентариев: каждое последующее выступление зависит от предыдущего и определяет содержание последующих.

Если говорить о степени публичности парламентских дебатов, то она не является определяющей, ибо политика по определению своему является общественной сферой. Отличительная особенность – это наличие «не-немой» публики: аудитория активна, допустимы выкрики с места и промежуточные вопросы.

Участники парламентских дебатов равноправны. Коммуникативные роли распределены следующим образом: адресантами являются политики и председатель (президент, который напрямую либо косвенно распределяет роли), реципиентами – пленум и общественность (последняя – через средства массовой информации). С точки зрения учета рамок ситуативного контекста, парламентские дебаты представляют собой сочетание ближней и дальней коммуникации. К ближней относится коммуникация внутри пленума, к дальней – коммуникация с общественностью.

Дискурс конфронтации – сложная многоуровневая модель, которая включает в себя все виды лингвистических и нелингвистических знаний. Конфликтная ситуация общения возникает лишь при наличии открытой конфронтации со стороны адресанта и адресата. Специфика конфронтационного взаимодействия подразумевает наличие разных стратегий говорящего и слушающего.

Особенностью диалога парламентских дебатов является то, что его участники, являясь равноправными коммуникантами, в то же время выступают как политические соперники, при этом провоцируя друг друга на необдуманные высказывания. В дебатах каждый из оппонентов преследует цель – с наилучшей стороны показать свои сильные стороны и преимущества своей предвыборной кампании и одновременно показать недостатки оппонента.

Одной из форм ведения конфронтации в парламентских дебатах является вербальная агрессия. Реплики-реакции на агрессивный вербальный стимул весьма разнообразны. С их помощью один из коммуникантов может попытаться смягчить вербальную агрессию, указав на ее необоснованность, а также может показать желание выйти из конфликта.

Так как конфронтационный дискурс определен нами как противостояние сторон, выраженное как в конструктивной, так и в деструктивной форме, это дает основание считать парламентские дебаты разновидностью конфронтационного дискурса и рассматривать их как особый диалогический политический жанр, выполняющий воздействующе-агитационную и информативную функции.

В аргументативном дискурсе парламентских дебатов отношения коммуникантов могут развиваться по двум основным сценариям: в форме конструктивного диалога и в виде деструктивного конфликта. Характер поведения коммуникантов определяет ход и направленность процесса коммуникации, так как функция языка в политической коммуникации реализуется посредством применения стратегий и тактик речевого общения.

По О.С. Иссерс, речевая стратегия – это гибкая совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Из этого определения следует, что речевая тактика – это действия, способствующие реализации определенных аспектов стратегии. То есть стратегия – это общий замысел реализации чего-либо, а тактики – определенные явные способы реализации этого замысла. В условиях речевого взаимодействия тактики могут преобразовываться в стратегии [5. С. 111]. Исследование в русле стратегического подхода ставит во главу угла интересы говорящего. Конкретная коммуникативная ситуация формирует перед говорящим ряд вопросов. О.С. Иссерс определяет способ описания речевой тактики, которая формирует конкретную стратегию осознаваемую говорящим.

Что касается общего формата общения (каков удельный вес диалогических форм по сравнению с монологическими), обмен небольшими репликами между коммуникантами в рамках контактной интеракции позволяет достаточно легко определить такое взаимодействие как диалогическое, а длинная цепь последовательно связанных и объединённых общей темой высказываний одного из коммуникантов может рассматриваться как монолог [1; 2; 3; 8].

Но коммуникативные взаимодействия более сложного уровня, коими являются парламентские дебаты в Бундестаге, не позволяют четко разграничить диалогический и монологический типы дискурса. Проведенное нами исследование базируется на интерактивном подходе, так как парламентские дебаты динамичны и спонтанны, но в то же время характеризуются наличием определенных правил построения диалога – наличием коммуникативной цели, целостности и фокуса, на которых сосредоточены усилия коммуникантов по-отдельности, а это уже монологический формат.

Остановимся далее на анализе 4 стратегий – дискредитации, самопрезентации, манипуляции и компромисса; определим к какому типу речевого взаимодействия (конструктивному или деструктивному) они относятся, и выясним, какие из представленных стратегий могут быть реализованы в рамках обоих типов дискурса. Будут также проанализированы языковые средства выражения конструктивности / деструктивности (как средства манифестации речевого взаимодействия) с учетом аксиологичности высказываний, что позволит определить речевоздействующий потенциал таких средств.

4 упомянутые стратегии распределены по двум категориям: *конструктивным и деструктивным макростратегиям*. Не факт, что все представленные стратегии будут четко отвечать задачам *макростратегий*, есть и амбивалентные случаи. Исходя из этого, мы представляем разделение на *полярные и амбивалентные стратегии*.

К *полярным* стратегиям относятся:

- 1) стратегия дискредитации, которая четко отвечает задачам *деструктивной макростратегии*;
- 2) стратегия компромисса, которая четко отвечает задачам *конструктивной макростратегии*.

К *амбивалентным* стратегиям относятся:

- 1) стратегия самопрезентации;
- 2) стратегия компромисса.

Продемонстрируем анализ стратегий на примере выступления Катрин Геринг-Еккардт (Союз 90/партия Зеленых) – протокол дебатов в Бундестаге от 13 января 2016 г., касающийся принятий поправок в закон о правах женщин после событий «Кельнской ночи» [13].

Выступление К. Геринг-Еккардт представлено особым переплетением двух стратегий дискредитации и самопрезентации. Выявлено 7 случаев использования стратегии дискредитации с тактиками обвинения и 4 случая использования стратегии самопрезентации с тактиками поляризации и речевого моделирования имиджа. Приведем в качестве примера одно из таких взаимодействий (дается в переводе – текст оригинала доступен в интернете):

Проблема сексуальных домогательств в общественных местах ненова. Эта проблема была актуальна еще до наплыва беженцев. Слабые женщины, подвергшиеся сексуальным домогательствам, всегда оставались без защиты закона. Именно поэтому, господин Маас, моя фракция еще прошлым летом внесла предложение, о необходимости устранения данного недочета. Вы же тогда высказались против данного предложения. И правительство оставило этот вопрос нерешенным. Женское «нет» должно уважительно восприниматься. Женщины давно могли бы быть под защитой закона. Жертвы той ночи в Кельне – это Ваше упущение, ведь по закону преступники не могут быть наказаны, и это факт.

В данном примере реализуется сочетание двух стратегий, создается антитеза: стремление партии Зеленых, еще задолго до инцидента в Кельне, внести поправки в законопроект о женских правах и бездействие в этом вопросе главы Минюста.

Председатель парламентской фракции партии «Союз-90/Зеленые» К. Геринг-Эккардт, обсуждая события новогодней ночи (2016 г.) в Кельне, когда сотни женщин подверглись грабежу и сексуальному домогательству со стороны мужчин, использует тактику поляризации (*meine Fraktion – Sie*) в стратегии самопрезентации. Она улучшает свой имидж, напоминая, что ее фракция еще прошлым летом предлагала внести поправки в закон о женских правах и что проблема насилия была актуальна и до наплыва беженцев. При этом она ухудшает имидж – стратегия дискредитации – главы Минюста Хайко Мааса (СДП), который предложил тогда оставить все как есть и не вносить поправок в законопроект. К. Геринг-Эккардт, используя тактику обвинения, дискредитирует г-на Мааса и указывает всему правительству на серьезное упущение, при этом манифестационно использует в своей реплике сослагательное наклонение (*Sie hätten dieses Gesetz schon haben können.*), подчеркивая факт упущенной возможности.

Коммуникативная задача К. Геринг-Эккардт – напрямую обвинить главу Минюста Х. Мааса в недалковидности и в то же время улучшить свой имидж. Непосредственный контакт обеспечивает 3 установки говорящего – на конфронтацию с оппонентом (обвиняемым), на саму себя и на адресата-наблюдателя. К. Геринг-Эккардт оценивает упущение оппонента отрицательно и старается убедить адресата-наблюдателя в его недалковидности. Её цель: а) умаление авторитета главы Минюста – убедить зрителей, что ошибочная в свое время позиция оппонента привела в условиях наплыва беженцев к печальным последствиям и невозможности наказать виновных; б) продемонстрировать свою дальновидность в данном вопросе.

Следует также отметить аксиологичность выступления К. Геринг-Эккардт. Иерархия ценностей немецкой культуры служит ей неким основанием для формирования тактики прямого обвинения и самопрезентации себя (своей коалиции) в условиях деструктивности дискурса. Для этого использовано словообразовательное средство (*rechtlos* – суффиксальный способ образования слова, суффикс указывает на отсутствие данного качества): *Frauen sind bei Übergriffen in vielen Fällen bislang rechtlos*.

Постоянное использование модально-усилительной частицы *schon* усиливает модальность и эмоциональность высказывания.

В синтаксическом плане в выступлении Катрин Геринг-Эккардт преобладают восклицательные и вопросительные предложения, отдельного внимания заслуживают уточняющие и риторические вопросы, усиливающие деструктивную функцию парламентской конфронтации:

Tun Sie aber bitte nicht so, als wäre das die zentrale Antwort. Wohin wollen Sie denn die Flüchtlinge abschieben? Nach Syrien, nach Madaja oder Rakka? Sie wissen, dass das nicht geht. Es gibt eben Probleme, die sich nicht ganz schnell mit dem Bundesgesetzblatt erschlagen lassen.

В лексическом плане следует отметить экспрессивность высказываний Катрин Геринг-Эккардт: оценочная лексика – *Es ist bitter notwendig, dass wir das jetzt zügig umsetzen, eine völlig enthemmte Hetze*; маркеры чуждости – *Die gesamte Bundesregierung hat diese Gesetzesänderung verschleppt*; средства усиления воздействия: лексический повтор как имплицитное средство деструктивного речевого воздействия – *Deutschland hat eine wehrhafte Demokratie... Wir haben eine wehrhafte Demokratie. Wenn Rocker und Türsteher in Köln auf Ausländerjagd gehen und versuchen, Selbstjustiz zu üben, dann ist klar: Das muss Konsequenzen haben. Wir haben eine wehrhafte Demokratie, und die Anschläge auf Asylbewerberheime reißen nicht ab. Wir haben eine wehrhafte Demokratie, und mehrere Hundert rechtsradikale Täter sind in Deutschland – wie uns die Bundesregierung gerade auf eine Anfrage hin gesagt hat – nach wie vor auf freiem Fuß. Wir haben eine wehrhafte Demokratie, und wir sehen und erleben eine völlig enthemmte Hetze und Androhung von Gewalt im Netz, meine Damen und Herren.*

Анализ речевых и языковых средств выступления К. Геринг-Эккардт определил их деструктивное конфронтационное содержание, поскольку *амбивалентная* стратегия самопрезентации была реализована лишь во взаимодействии с *полярной* стратегией дискредитации. Тип макростратегии – деструктивная.

Анализ представленных дебатов позволяет говорить, что большинство выступивших по заявленному вопросу политиков строят свои высказывания с использованием *полярной* стратегии дискредитации, которая реализуется тактикой обвинения. На основе проведенного анализа эмпирического материала можно сделать вывод, что основной целью дискредитации в дебатах Бундестага является создание отрицательного имиджа оппонента; данная стратегия используется исключительно в условиях *деструктивного* дискурса. Основной целью самопрезентации политика является создание собственного положительного имиджа. В проанализированных дебатах данная стратегия была реализована как в рамках деструктивного взаимодействия, т.е. сопутствовала стратегии дискредитации, так и как самостоятельная *амбивалентная* стратегия. Но объединяет эти две стратегии одна промежуточная цель – завоевать доверие, авторитет и власть.

Амбивалентная стратегии манипуляции может быть представлена в рамках обоих типов дискурса.

Полярная стратегия компромисса используется исключительно в условиях *конструктивного* дискурса. Особенность стратегии компромисса в условиях конструктивного речевого взаимодействия – готовность политика признавать свои упущения, призыв к сотрудничеству и корректное выражение критики (стратегия компромисса не исключает присутствия критических замечаний, но выражены они тактично и обоснованно) с элементами похвалы. Такой «смягченный» вид критики выражается при помощи лексических средств, например, наречий *etwas, teilweise*. Важная роль при этом отводится также лексемам, выражающим положительную оценку оппонента *erleichtert sein, danken*; призывам к сотрудничеству *Ich lade Sie ein, daran mitzuwirken*.

Анализ парламентских дебатов в Бундестаге показал, что главной когнитивной стратегией деструктивного речевого взаимодействия является стратегия дискредитации оппонента и стратегия самопрезентации. Все действия коммуникантов в ситуациях деструктивного взаимодействия направлены на их реализацию.

Прямые обличительные тактики характерны для ситуаций открытого деструктивного взаимодействия, именно эти тактики несут в себе наиболее мощную силу деструктивного воздействия. Косвенные тактики используются в ситуациях открытого и скрытого деструктивного общения. Следова-

тельно, для реализации деструктивного речевого взаимодействия требуется гораздо больше языковых и речевых средств, чем для конструктивного.

Перспективы исследования предполагают дальнейшую разработку понятия *макростратегия*, *конструктивный и деструктивный дискурс*, а также исследование того, как политические деятели стратегически используют аргументацию в конструктивном и деструктивном разножанровом речевом взаимодействии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1972. 187 с.
2. Васильев Л.Г. Аргументативные аспекты понимания. Тверь: Тверск. гос. ун-т, 1994. 222 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь // Психология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 265-509.
4. Гришина Н.В. Производственные конфликты и их регулирование // Промышленная социальная психология. Л., 1982. С. 108-121.
5. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС, 2003. 284 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
8. Якубинский Л.П. Язык и его функционирование. М.: Наука, 1986. 207 с.
9. Burkhardt A. Zwischen Diskussions - und Schaufensterparlamentarismus // Sprache des Parlamentarismus und Semiotik der Demokratie: Studien zur politischen Kommunikation in der Moderne. Berlin; New York: de Gruyter, 1995. S. 17-36.
10. Dieckmann W. Streiten über das Streiten: normative Grundlagen polemischer Metakommunikation. Max Niemeyer Verlag GmbH, Tübingen 2005. 318 S.
11. Eemeren F.H. Speech Acts in Argumentative Discussions: A Theoretical Model for the Analysis of Discussions Directed towards Solving Conflicts of Opinion. Dordrecht-Holland/Cinnaminson-U.S.A., 1984. 215 p.
12. Henne H. Einführung in die Gesprächsanalyse. 4., durchges. und bibliogr. erg. Aufl. Berlin; New York: de Gruyter, 2001. 336 S.
13. Стенографический отчет немецкого Бундестага № 18/148 от 13 янв., 2016. URL: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18148.pdf>.

Поступила в редакцию 24.06.2019

Мельничук Наталия Вячеславовна, старший преподаватель
ГОУ ВО «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»
MD-3300, Молдова, Приднестровье, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128
E-mail: natki@inbox.ru

Васильев Лев Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингвистики и иностранных языков
ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»
248023, Россия, г. Калуга, ул. С. Разина, 26
E-mail: argumentation@mail.ru

N.V. Melnichuk, L.G. Vasiliev

MEANS OF MANIFESTATION OF CONSTRUCTIVE AND DESTRUCTIVE SPEECH INTERACTION IN PARLIAMENTARY ARGUMENTATIVE DISCOURSE

DOI: 10.35634/2412-9534-2019-29-5-760-766

The article deals with the issue of constructive and destructive speech interaction in argumentative discourse, and the problem of its manifestation. The substantiation of the presented division within the framework of argumentative discourse is given and the scope of the study is determined as a field of confrontation. The distinctive specificity of parliamentary communication is described, which serves as the basis for considering parliamentary debates as a kind of confrontational discourse. A technique for analyzing the means of expressing constructiveness and destructiveness, namely the strategic approach, is presented. Macrostrategies are divided into 2 categories: *constructive* and *destructive*. The presence of ambivalent cases that do not meet the objectives of macrostrategies is represented by *polar* and *ambivalent* strategies. Identifying the type of *macrostrategy* provides for determining the quality of the discursive contribution of each speaker, and the means of manifesting speech interaction determine the speech-generating potential. The use of

destructive macrostrategies is shown to considerably prevail over the use of *constructive* ones; the use of axiological statements in destructive speech interaction is higher than in the constructive one. In the destructive speech interaction, communicators use significantly more language and speech means than in the constructive verbal exchange.

Keywords: constructiveness, destructiveness, speech interaction, confrontation, argumentation, strategy, macrostrategy.

Received 24.06.2019

Melnichuk N.V., senior lecturer
T. Shevchenko Pridnestrovien State University
128, 25 Octyabra st., Tiraspol, Moldova, Pridnestrovie, MD-3300
E-mail: natki@inbox.ru

Vasiliev L.G., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics and Foreign Languages
K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University
26, S. Razina st., Kaluga, Russia, 248023
E-mail: argumentation@mail.ru